

Н. Н. АЛЕВРАС

ДИССЕРТАЦИОННАЯ ИСТОРИЯ УЧЕНОГО КАК СОБЫТИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ БИОГРАФИИ РОССИЙСКИХ ИСТОРИКОВ XIX ВЕКА

В поле зрения автора – диссертационные истории ученых-историков XIX века, представленные в качестве научных феноменов. Предлагается рассмотреть их интеллектуальную природу как фактов-событий истории историографии. Ставя вопрос, является ли та или иная диссертация и ее защита событием в науке, автор опирается на методологические идеи А.С. Лаппо-Данилевского и Ф. Броделя. Подвергая реконструкции научные судьбы магистерских диссертаций С.М. Соловьева и В.О. Ключевского, автор пытается создать историко-историографический контекст экспертных оценок их трудов, оставленных как историками-современниками, так и последующими поколениями представителей исторической науки.

Ключевые слова: диссертация, диссертационная история, диссертационный диспут, А.С. Лаппо-Данилевский, Ф. Бродель, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, экспертные оценки, история историографии, событие в науке, научное наследие, университетское сообщество, классики в науке, академическая память.

Диссертационная история как событие и предмет изучения

Диссертационная история, если она случилась, становится частью биографии ученого-историка, а любая биография относится к феноменам уникальной природы. Вместе с тем, в истории российской исторической науки XIX – начала XX в. произошли сотни диссертационных историй, что побуждает идти по пути обобщения диссертационного опыта и выработать методы типизации при изучении диссертационных историй. Сама же диссертационная культура, в лоне которой диссертационные истории происходили, сформировавшись и бытуя в среде университетариев, не могла не приобрести неких качеств, свойств и функциональных потенций, возникавших под воздействием ряда факторов. Среди них – юридические нормы, действовавшие в университетском пространстве, а также сложившиеся традиции университетской жизни, порожденные опытом подготовки профессионального ученого.

Диссертация, как свидетельство достижения научной зрелости личности, и диссертационный диспут, как финальный элемент ее презентации в корпоративном сообществе, становились и результатом деятельности, и достоянием/наследием университетской корпоративной культуры, а нередко вызывали и более широкий – общественный интерес и резонанс. Будучи генетически связанной с научными нормами

того или иного сообщества ученых и в силу особого статуса¹, диссертация воплощает в ценностных ориентациях, методологии, структурно-концептуальном замысле, дисциплинарных предписаниях некий образец научного исследования, принятого профессиональной средой.

Диссертационная история, основными составляющими которой являлись факты создания квалификационного исследования и его публичной презентации (в дореволюционной России – диссертационный диспут), при определенных условиях становится событием науки. Раккурс предложенной темы предполагает выяснение вопроса: что есть событие. А.С. Лаппо-Данилевский, аргументируя основания идеографического построения исторического знания, рассмотрел феномены «случайности», «индивидуальности», «события» в истории как выражения «свободной воли» и рационального выбора личности. Рассматривая событие как результат «встречи» и «конкретного сцепления» нескольких индивидуальностей, находящихся в состоянии активного взаимодействия в рамках продолжительного времени («исторической связи»), он придавал особое значение фактору влияния случившегося «на дальнейший ход истории». Другими словами, исторически значимым событием, как и историческим фактом, полагал он, можно признать то, что имеет «обширные и *длительные* последствия» (курсив мой – Н.А.)².

Следовательно, правомерно ставить вопрос: любая ли диссертация и ее защита есть событие. Особенность его решения на методологическом уровне заключается, во-первых, в выборе позиции исследователя-историографа, поскольку приходится учитывать некое совокупное мнение современников на этот счет, сопровождаемое аксиологическим подходом самого историографа. Во-вторых, если подобный факт признается событием, дополнительно возникает вопрос о его масштабах, так как последствия его влияния на «дальнейший ход истории» могут приобретать сложный и неоднозначный характер, во многом зависящий от научных приоритетов, особенностей «коммеморативной солидарности» каждого нового поколения ученых, политической конъюнктуры, социокультурных запросов и других обстоятельств последующих эпох. Так или иначе, эти постановочные аспекты выводят нас как на проблему преемственности и разрывов исторического знания, так и на проблему определения и выявления классиков в науке³.

¹ О понятиях «диссертационная история» и «статус диссертации» см.: Алеврас 2014. С. 113, 114.

² См.: Лаппо-Данилевский 2006. С. 163-167; 204-219.

³ См.: Савельева 2011. С. 491-515; 2013. С. 285-300.

Восприятие диссертации в качестве события науки со стороны всех потенциальных наблюдателей, оставивших свидетельства о ее особом признании, может являться одним из критериев, позволяющих отнести данный труд к категории нетривиальных, что, одновременно, приближает нас к определению его «классичности». Заметим, что одним из признаков классичности является длительность и повышенная степень востребованности в научном сообществе трудов и идей того или иного ученого, что в настоящее время устанавливается наукометрическими способами выявления и изучения информации научного происхождения, включающими статистическую обработку баз данных систем цитирования⁴.

Обращение к источникам формирования классического наследия позволяет понять смысл социокультурных практик научного сообщества и специальных коммеморационных технологий, которые задавали параметры сохранения памяти об ученом и его научных трудах. Непредсказуемость траекторий и причуды временной протяженности посмертной судьбы произведений ученых подчеркивает И.М. Савельева. Она полагает, что этот процесс является зависимым от выработки научным сообществом не только отдельных механизмов, но и специального института социального признания классичности творческого наследия ученого⁵.

Интересна в этом отношении предпринятая Е.А. Ростовцевым и И.П. Потехиной историографическая реконструкция процесса «становления классика» в лице А.С. Лаппо-Данилевского. Авторы статьи, воспользовавшись наукометрическим подходом, обратились к опыту историографических исследований и изучению специальных научных коммемораций о нем. По версии авторов, совокупность усилий современников и историков XX–XXI вв., закрепивших в научной памяти наследие историка, стали основой обеспечения ему статуса «классика»⁶.

Тему «классикализации» ученого-историка в опыте советской историографии развивают В.П. Корзун и Д.М. Колеватов⁷ применительно к личности и наследию В.О. Ключевского. Отслеживая различные практики «освоения/присвоения» его научных текстов иерархичным сообществом советских историков, авторы приходят к выводу, что «акаде-

⁴ См. о рейтинге ученых в учебниках по истории психологии, составленном Л. Зусе: Савельева 2011. С. 295.

⁵ См.: Савельева 2011. С. 290-291.

⁶ См.: Ростовцев, Потехина 2013. С.23-28.

⁷ См.: Корзун, Колеватов 2012. С. 257-273.

мическая память сохраняет это имя классика в пантеоне великих историков, великих Мастеров своего дела, всякий раз актуализируя это имя в переломные моменты в истории страны и сообщества историков»⁸.

Однако в теме о «классиках» трудно выработать абсолютные критерии, которые бы позволяли ранжировать ученых в некие группы с учетом *степени* признания их научных достижений. И.М. Савельева в частности подчеркивает, что условием присвоения той или иной научной работе статуса «классической» (а не просто «выдающейся») является высокий методологический потенциал ее «новизны». Он должен быть перспективным для устойчивого развития научной дисциплины и стимулирования таких новых исследований, которые формулируют или решают «не решенные доселе теоретические задачи, что в свою очередь, создает возможность для принципиально новых эмпирических исследований». Немаловажным условием, как в исследовательской, так и в образовательно-дидактической практике, признается «процесс непрерывного перечитывания и переоценки классических трудов»⁹. Однако граница, разделяющая труды «классиков» и «выдающихся» ученых, остается все же размытой. Столь же проблематично выработать критерии других широко используемых определений статуса ученого (иногда почти синонимичных) – «великий», «знаменитый», «видный», «известный», а также – «первого», «второго» плана и других. Между тем, установление и этих статусов имеет значение для реконструкции общей картины творческого процесса ученых в иерархичном пространстве науки.

Заметим, что тема классикализации ученых рассматривается с учетом всего их научного и интеллектуального наследия. Какое место в нем занимают диссертационные исследования – это вопрос, который, так или иначе, предстоит решать при изучении места и значения диссертаций в комплексе научных трудов историков.

Современные рейтинги трудов «старых историков», несомненно, служат ориентиром для понимания степени их востребованности в науке и основанием определения их статуса¹⁰. Вместе с тем еще до изобретения способов индексации научного цитирования, в научном сообществе складывались традиции экспертных оценок для выявления

⁸ Корзун, Колеватов 2012. С. 273.

⁹ Савельева 2011. С. 290, 294.

¹⁰ См. опыт изучения интереса ученых к представителям этой когорты историков посредством использования современных систем цитирования: Ростовцев, Шишов 2013. С. 138-144; Ростовцев, Потехина 2013. С. 23-28.

«лучших из лучших». Эти неформализованные процедуры сохраняют свое значение и сейчас, корректируя статистику систем цитирования. Ясно, что современные топы цитирования сами по себе не являются основой присвоения их носителям статуса «классиков». Авторы упомянутой статьи об А.С. Лаппо-Данилевском, устанавливая статистику цитирования его трудов в сравнении с представителями его поколения, отнесли ученого к категории «классиков», хотя ряд современников (например, П.Н. Милоков) получили более высокие показатели. Некую коллизию представляет и ситуация примерно равного рейтинга современного цитирования бывшего классика М.Н. Покровского и признаваемого теперь классика А.С. Лаппо-Данилевского¹¹.

Очевидно, что суд в этом вопросе выносит корпорация ученых последующих поколений посредством экспертных оценок, учитывающих контексты новых исторических эпох и историографий, ориентированных на пересмотр ценностей в науке.

Завершая данный сюжет, замечу, что диссертационные исследования «старых историков», хотя нечасто привлекают внимание современных ученых, но и не являются аутсайдерами на «рынке» цитируемости. Например, из общего количества цитируемых трудов Лаппо-Данилевского (129), число цитирований которых составляет 437, 154 ссылки (35,2%) приходятся на его знаменитую «Методологию истории» и 41 ссылка (9,5%) – на магистерскую диссертацию. Оба эти труда, вошедшие в пространство цитации, отнесены к «самым цитируемым» его сочинениям. В целом, среди зафиксированных 16-ти сверстников историка наличествует восемь диссертаций¹², отнесенных к числу их наиболее цитируемых трудов. При этом для ситуации с А.Е. Пресняковым характерно присутствие обеих его диссертаций – магистерской и докторской – в составе самых востребованных его научных работ¹³.

Некоторые задачи изучения диссертационных историй

С учетом сказанного, в заданном ракурсе может быть намечено несколько специальных аспектов и перспектив изучения диссертационных историй. Определяя далее преимущественно прагматические задачи данной статьи, будем «держаться в голове» и проблемы теоретико-методологического свойства – корпоративной памяти, «классично-

¹¹ См.: Ростовцев, Потехина 2013. С. 25-27.

¹² Имеются в виду магистерские диссертации И.И. Лаппо, М.В. Довнар-Запольского, А.Е. Преснякова, А.С. Лаппо-Данилевского и докторские диссертации С.В. Рождественского, М.М. Богословского, А.Е. Преснякова, С.Ф. Платонова.

¹³ Ростовцев, Потехина 2013. С. 27.

сти» в науке и выработки методологии исследования диссертационных трудов. В связи с этим актуальна, во-первых, задача разработки методик изучения диссертации как научного труда особого статуса, а именно: критериев смыслового, методологического и текстологического анализа с учетом ее функциональной нагрузки в системе видов научных произведений ученых. Во-вторых, диссертация и диссертационный диспут, воспринимаемые как феномены и события, перспективны для создания интеллектуальной биографии автора-диспутанта. В-третьих, диссертация и диссертационная история как научно-исследовательские объекты, приобретают значимость в ракурсе институциональных задач – изучения научных школ и дисциплин, с которыми был связан соискатель.

Важной методологической опорой в определении научной значимости диссертационных трудов изучаемого времени может служить известная концепция Ф. Броделя *la longue durée*¹⁴, позволяющая реконструировать восприятие научного статуса их авторов и характер оценивания результатов их творчества различными поколениями ученых. В данном ракурсе формулу французского ученого можно воспринимать как универсальную категорию и продуктивно ее использовать для определения некоего временного интервала, в границах которого научное произведение сохраняет актуальность для науки и востребовано научным сообществом¹⁵. При этом подразумевается наблюдение за сложными трансформационными перипетиями осмысления и переосмысления методологических и концептуальных идей его автора. Концепция длительной временной протяженности Ф. Броделя явно согласуется с ранее возникшими идеями А.С. Лаппо-Данилевского об «обширных и длительных последствиях» случившегося как основе причисления его к феномену исторического факта-события.

В познавательном процессе немаловажно определить, кто и каким образом выступает в роли своеобразного «оценщика» интересующего нас типа события и квалифицирует его как исторически значимое. Вероятны несколько подходов для получения ответа. Один из них ориентирован на изучение восприятия события тем/теми, кто был причастен к его возникновению (герой диссертационной истории и «свидетели-современники»). Другой – вытекает из необходимости установить «след», диссертационной истории-события в масштабах истории

¹⁴ См.: Бродель // URL: http://www.krotov.info/libr_min/02_b/ro/del_02.htm

¹⁵ См. попытки с позиций этой концепции раскрыть потенциал русской исторической науки XIX – начала XX в.: Усачев 2002. С. 102-113.

науки и культуры, а значит – определить его воздействие на других людей, принадлежавших уже иному времени. Первый подход реализуется на основе преимущественного изучения текстов-источников современников, в том числе автора диссертации. Вторым является итогом познавательных усилий историка-историографа, основанных на принципах «синтетического» построения ретроспективы. В итоге историограф посредством критико-аналитических процедур использует базовые свидетельства самого «героя» диссертационной истории, критиков-современников и одновременно сам выступает в роли эксклюзивного эксперта, реконструируя как прижизненную диссертационную историю ученого-историка, так и то, чем его «слово отозвалось» в последующей временной перспективе. В этой связи особое значение приобретает вопрос о диссертации историка как актуальном тексте, оказавшем воздействие на сообщество ученых-современников и вошедшем в анналы научной корпорации как некая ценность.

Предлагаемые подходы предлагается положить в основу создания целостной картины той или иной диссертационной истории. Вполне целесообразно начинать поиск самооценок историков – соискателей ученых степеней – в текстах источников личного происхождения. Трудно назвать среди созданных ими эго-документов такие, в которых бы не сохранились свидетельства о своей (а порой и другого современника) работе над диссертацией и диссертационном диспуте. Конечно, в каждом конкретном случае характер научной самооценки и эмоционального впечатления по этому поводу различен. Ключевский, например, в своих афоризмах высказал хорошо известное суждение о защитах диссертаций: «Ученые диссертации, имеющие двух оппонентов и ни одного читателя»¹⁶, что позволяет фиксировать одну из тенденций: бытование критико-ироничного мнения в среде университетариев о научном и функционально-коммуникативном потенциале диссертаций как вида исследования. Ключевскому в его персональном опыте, с учетом особенностей его натуры, вообще было не свойственно какое-либо специальное и, тем более, «возвышенное» внимание к своей научной работе – в частности, над магистерской диссертацией. В переписке с друзьями и коллегами он (за редким исключением) нарочито принижал значение своих научных усилий – либо игнорируя эту тему, либо используя пониженную коннотацию, называя готовящийся труд «книжицей». Однако многие его современники – коллеги по историческому цеху, оставили немало мемуарно-эпистолярных строк, демонстрирующих иной

¹⁶ Ключевский 1968. С. 353.

подход в передаче собственных впечатлений от работы над диссертациями. В качестве отдельных примеров можно иметь в виду разнообразные эго-тексты (воспоминания, автобиографии, переписку, дневники, речи на диспутах и пр.) С.М. Соловьева, П.Н. Милюкова, А.А. Кизеветтера, С.Ф. Платонова и Н.Н. Платоновой, А.С. Лаппо-Данилевского, Н.И. Кареева, М.С. Корелина, Г.В. Вернадского и других, не оставляющие сомнений о значимости в творческой жизни ученого-историка события, или целого событийного ряда, связанного с созданием и защитой диссертаций. Мемуарные признания содержат оценки своего труда, а детализация с позиций авторов процесса создания диссертации и картины диспута, раскрывает нередко и драматически воспринимавшиеся конфликтные ситуации на этом пути, что дает возможность реконструировать сложный мир научных ценностей и межличностных коммуникаций, включающих взаимодействие самолюбий, амбиций, эмоций, творческих настроений в научно-институциональной системе.

Обратимся к опыту создания некоторых диссертаций с учетом их самооценок историками XIX века, которых мы относим к категории ученых, нередко воспринимаемых в среде российского научного сообщества не только как выдающихся, но и как классиков российской исторической науки. В поле нашего зрения поместим диссертационные истории представителей Московского университета – С.М. Соловьева и В.О. Ключевского, связанные, главным образом, с созданием ими магистерских работ. Проследим также восприятие их магистерских диссертаций в историографической традиции.

Магистерская диссертация С.М. Соловьева как событие в контексте научной жизни Московского университета и в оценках историков

Диссертационные истории С.М. Соловьева, несомненно, привлекательный аспект его творчества и истории его карьеры¹⁷. В мемуарных записках историка мотив его работы над обеими диссертациями¹⁸, включая сдачу магистерского, а потом и докторского экзаменов, характер диспутов, занимает одно из центральных мест. «Мои записки...» С.М. Соловьева, являясь важным источником по истории обретения им «институционального капитала» – получения кафедры русской истории, а потом и профессорства в Московском университете, раскрывают широкий спектр объективных и субъективных факторов, в контексте которых молодой историк за короткий срок (1845–1847) подготовил и защитил магистерскую и докторскую диссертации.

¹⁷ См.: Цимбаев 1990. С. 155-173; Бедретдинова 2006. С. 36-99.

¹⁸ См.: Соловьев 1846, 1996. С. 5-338.

С.М. Соловьев довольно откровенно передал комплекс своих мотиваций, придавших скорость его диссертационным историям¹⁹.

В основе его стратегии лежали и карьерные соображения, и творческий подъем, связанный с первым опытом чтения учебных лекций, ставших, как он сам подчеркнул, основой его диссертаций, и тревожное эмоциональное состояние в ситуации своего неустойчивого, а потому противоречивого положения в университетской среде историков. Защита диссертаций, прежде всего – магистерской, стала своеобразным идентифицирующим и легитимирующим тестом для принятия его в «западную партию профессоров», которая составляла в то время интеллектуальное ядро формировавшегося сообщества историков-профессионалов Московского университета. Представленный в записках сложный рисунок взаимоотношений противоборствующих личностей и интеллектуалов этой корпоративной коммуникации (особенно напряженными были отношения Соловьева с Погодиным) позволили историку резюмировать, что свою позицию в ней он утверждал, находясь в состоянии творческого перенапряжения и борьбы. Соловьев свидетельствовал: «...я добыл себе место с бою и должен был удерживать его боем, должен был в короткое время сделать столько, чтоб не смели сказать, что университет проиграл, заменивши старого профессора Погодина новым»²⁰.

Противостояние в ходе магистерского диспута С.М. Соловьева «старых», тяготеющих к официальной идеологии, и «молодых» ученых-историков, ориентированных на западно-либеральные ценности, заняло в его воспоминаниях об этом событии одно из центральных мест²¹. «Наконец, диспут кончился со славою для меня», – резюмировал историк, завершая мемуарный пассаж о защите магистерской диссертации. По сути, ее защита стала не только важнейшим событием его научной биографии, но явилась неким рубежом в полемической борьбе старшего и младшего поколений историков Московского университета. Характерно, что Б.Н. Чичерин, слушавший и высоко ценивший курс лекций С.М. Соловьева, включил магистерскую диссертацию историка в список тех трудов, которые составили основу его программы «чтения» в целях самообразования. Защиту диссертации Соловьева он назвал «блестящей»²². После этого события «западная

¹⁹ См.: Соловьев 1983. С. 287-295. См. также: Цимбаев 1990. С. 155-173.

²⁰ Соловьев 1983. С. 322.

²¹ Там же. С. 292-293.

²² См.: Чичерин 1991. С. 42, 46.

партия профессоров» пополнилась в лице Соловьева еще одним признанным представителем в когорте интеллектуальных лидеров профессорской корпорации. Защищенная вскоре докторская диссертация историка, по его словам – «также славно и с честью»²³, окончательно закрепила его престиж ученого либеральной ориентации.

И хотя с 1848 по 1855 гг., как он заметил в воспоминаниях, началась полоса «несчастной эпохи» николаевского правления, нанесшей удары и по «опасным либералам» университета, Соловьев остался верен линии этой стратегии. Поскольку основные концептуальные положения диссертаций формировались у него в процессе работы над учебным курсом, постольку обе они явились своеобразной увертюрой к его знаменитой многотомной «Истории России с древнейших времен...». Но стоит заметить: если современники, в частности Т.Н. Грановский и К.Д. Кавелин, высоко оценив концептуальное кредо и методологию первой диссертации Соловьева, именно на этой основе приняли его в свой круг, то для последующих поколений ученых обе диссертации, фактически, оказались в тени громады его «Истории России». Заметим, правда, что в 1879 г., ученик Соловьева, Ключевский, откликаясь на смерть учителя известной речью-статьей, отметил значимость его диссертационных работ и первым отмерил длительность их актуальности. Посвятив специальный сюжет истории подготовки и защиты Соловьевым магистерской и докторской диссертаций, он заметил, что «русские ученые редко поднимались по лестнице ученых степеней так быстро и с таким успехом», и его диссертации не устарели «и доселе», т.е. более чем через 30 лет после их защиты²⁴.

Тем не менее, последующее развитие историографии определило им периферийное положение в общем наследии историка. Это вполне ощутимо в современной историографии. Замечу, что магистерская диссертация С.М. Соловьева, будучи изданной в 1845 г. и переизданной в 1846 г., не вошла в современное издание его сочинений. Несмотря на обязательные упоминания в биографических пассажах об историке фактов защиты диссертаций и даже присутствие специальных разделов об их содержательно-концептуальной основе в специальных трудах²⁵, собственно историографический анализ (особенно это касается магистер-

²³ Соловьев 1983. С. 305.

²⁴ Ключевский 1959. С. 128-129; 130.

²⁵ См.: Бедретдинова 2006. С. 36-99. Автор, к сожалению, в своей характеристике магистерской диссертации историка не вышла за пределы ее реферативного пересказа.

ской диссертации), который бы, к тому же, учитывал видовую специфику диссертационных исследований, практически не встречается.

Между тем, именно в диссертациях обнаруживается ядро его концепции эволюции родовых отношений с соответствующей периодизацией российской истории, и методология, ориентированная на философскую диалектику Г.В.Ф. Гегеля. Еще важнее определить место магистерской диссертации историка в опыте подобных трудов, защищенных историками в первой половине XIX века²⁶.

Созданная на базе обильного комплекса летописных и актовых источников, диссертация Соловьева демонстрировала одну из первых в тогдашней научной практике российских историков попыток выработать для этого вида научных работ модель аргументированного научного исследования. Он стремился достичь этой цели при помощи последовательного использования историко-документального подхода, нацеленного на анализ и обобщение обширного источникового материала и основанной на нем системы доказательств.

Текст магистерской диссертации Соловьева сопровождается постановкой серии научных задач, которые историк планомерно расположил в исследовательском тексте и решал, исходя из анализа выявленной им источниковой информации. Наличие специальной резюмирующей части работы – своеобразной системы ответов на поставленные вопросы, представляя будущую модель Заключения в диссертации, подчеркивало логику и строгость научного наблюдения и выводов. Подзаголовком диссертации – «Историческое исследование» – Соловьев, очевидно, заявил о сугубо научном характере своего труда, фактически отмежевываясь от характерного для этого времени упрощенного, лишенного методологических интенций, нарратива диссертаций²⁷.

Оказавшаяся на периферии внимания современной историографии, магистерская диссертация великого историка, несомненно, требует ее переосмысления. В контексте изучения становления и развития национальных традиций диссертационных исследований нам она представляется одним из первых рубежных научных произведений, знаменовавших начало формирования критического научного знания и поднявших такой вид квалификационной работы как диссертационный труд на уровень фундированного научного исследования.

²⁶ См. оценки диссертаций первых десятилетий XIX века и характеристику их защит: Вишленкова, Ильина 2013. // URL: <http://www.nlobooks.ru/node/3755>. Раздел «Социальный лифт».

²⁷ Более детальный анализ см.: Алеврас 2014. С. 111-120.

**Магистерская диссертация В.О. Ключевского:
самооценки историка и восприятие в истории историографии**

Историографический контекст оценок той или другой диссертации, рассмотренный в рамках определенной длительности историографического процесса дает возможность раскрыть смену историографических ситуаций в восприятии, как самой диссертации, так и факта ее защиты. Примером может выступить опыт В.О. Ключевского. Его магистерская диссертация «Древнерусские жития святых как исторический источник» (далее – «Жития») не вызывала, в отличие от докторской диссертации («Боярская дума...»), высоких оценок – например, у молодого поколения светских ученых-историков. В частности, П.Н. Милюков во время начавшегося конфликта с учителем в переписке с С.Ф. Платоновым просто-напросто высмеял «глупую» тему магистерской диссертации, по его словам, «навязанную» ему Соловьевым, а по сути, отрицал ее научное значение²⁸.

Сам историк, исходя из контекста его высказываний о диссертации в разные периоды жизни, долго раздумывал на эту тему, а потому казался противоречивым в оценке как своей магистерской диссертации в целом, так и главного ее источника – житий святых.

Уже после магистерского диспута в письме В.И. Герье он писал, что 1872 год был для него «несчастлив... в литературном отношении». Упоминание в этой связи факта защиты диссертации сопровождалось намеком на неудачность своих опровержений выступлений оппонентов и ироничным признанием по поводу этого события: «доселе слёзы лью»²⁹. Сокрушаясь фактом длительной (шесть лет!) работы над магистерской диссертацией, он был весьма озабочен своей «неповоротливостью» и задавался вопросом, сколько же уйдет времени на «стряпанье» уже задуманной им второй – докторской диссертации³⁰.

Впрочем, подобные самооценки можно воспринимать и как своеобразный эпистолярный прием самоиронии. Имеются примеры и иного типа его самовыражения. Так в одном из писем Н.И. Мизеровскому (1868 г.) он пишет «высоким слогом» об изучении рукописей житий, не без пафоса сообщая: «Занятие это доставляет мне большое наслаждение: оно укрепляет веру в русский народ, о котором так сильно сомневаются, выйдет ли из него что-нибудь путное»³¹.

²⁸ Письма... С. 65.

²⁹ Ключевский 1968. (В.И. Герье, 15 июля 1872). С. 146-147.

³⁰ Там же. (А.Ф. Лаврову, 6 сентября 1872). С. 149.

³¹ Там же. (Н.И. Мизеровскому, 25 февраля 1868). С. 137.

Критический оттенок в адрес житий, характерный для молодого Ключевского, в зрелом возрасте сопровождался основательным разбором историком особенностей этого вида источника. В тексте лекционного курса, создававшегося в начале XX века, он пришел к известному выводу: «Житие не биография, а назидательный панегирик..., образ святого в житии не портрет, а икона»³². Иногда эта метафора воспринимается как выражение разочарования историка в информационных возможностях изучаемого источника. Однако на самом деле с этой характеристикой были связаны понимание им специфических особенностей и констатация функционально-видовых свойств этого источника: «У агиографа, составителя жития, свой стиль, свои литературные приемы, своя особая задача», подчеркивал историк³³.

Защита диссертации в 1872 г. получила высокую оценку у многих современников и очевидцев этого события. К этому времени имя автора уже было хорошо известно образованной публике, что привлекло, по свидетельству участника диспута Е.В. Барсова (известного этнографа, секретаря и редактора Чтений ОИДР, выступавшего в качестве неофициального оппонента), «многочисленную публику». Барсов подчеркнул, что она состояла не только из студентов и профессоров, но также из «чиновников, офицеров, коммерсантов, и даже раскольников». Не осталось без внимания присутствие «множества дам». Автор описания хода защиты Ключевским диссертации свидетельствовал, что «диспут был вест с таким серьёзным тоном и таким живым увлечением, что <...> представлял редкое исключение из ряда подобных диспутов, отзывающихся, обыкновенно, официальною мертвенностью»³⁴.

Вследствие отсутствия традиции протоколировать процедуру защит диссертаций, именно сделанные Барсовым записи хода диспута Ключевского, включившие текст речи историка и содержание выступлений оппонентов, стали единственным аутентичным источником его диссертационной истории. В короткой речи Ключевский, хотя и не склонен был предаваться пространным размышлениям о собственном восприятии своего труда, но вполне определил его специфику. Самооценка интеллектуальных затрат на подготовку диссертации, звучит в его признании «несоответствия между историко-литературной ценой» исследованного материала и «теми усилиями, какие положены на его

³² Ключевский 1994. С. 558.

³³ Там же. С. 557.

³⁴ См.: [Барсов] 1914. С.65-71. Описание диспута Ключевского Барсов впервые опубликовал в 1872 г. в «Современных известиях».

изучение». Но оправдание этих усилий он находит в «научном интересе», которым он руководствовался в своих «микроскопических, утомительных изысканиях», основывавшихся на стремлении уловить в житиях святых выражение особенностей облика древнерусского человека. Обоснование такой цели историк связывал со спецификой формирования монашества: в нем, полагал он, соединялись представители различных «общественных состояний», а сама монашеская среда представлялась ему носителем «нравственной свободы»³⁵.

С позиций концепции длительной временной протяженности актуально проследить характер изменения восприятия академической средой понимания Ключевским специфики источниковой природы житий и его труда в целом. Выше упомянутая характеристика особенностей житийной литературы, данная в «Курсе русской истории», вполне корреспондируется с его подходом, выраженным в речи на диссертационном диспуте. И в том и другом случае для рассмотрения особенностей житий как информационного ресурса своего исследования он остается в одном – источниковедческом – пространстве, делая акцент на происхождении и функциональных особенностях житий, определивших базовые свойства этой группы источников.

Хотя в «Курсе русской истории» он уточняет, что жития не столько «образ», сколько «икона», но мысль его движется все в том же – источниковедческом направлении: историк находит для себя и читателей разъяснение этому кажущемуся противоречию теми целеполагающими установками, которыми руководствовались создатели этих произведений-источников. Таким образом, его внимание оказывается сосредоточенным, преимущественно, на выяснении функциональной специфики изучаемого им источника, что особенно выразительно он подчеркнул в итоговой главе своей диссертации³⁶.

Исходный источниковый материал заставил Ключевского выработать соответствующие его особенностям принципы и методику изучения. Впервые в опыте научных исследований он выстраивает свой взгляд на жития как источник, информация которого структурировалась и наполнялась содержанием в соответствии с задачами и каноном их предназначения. С учетом этого, он формировал представление о специфике и информационных возможностях данного вида источников: «Для жития дорога не живая цельность характера с его индивидуальными чертами и житейской обстановкой, а лишь та сторона его, которая

³⁵ [Барсов] 1914. С. 65-66.

³⁶ См.: Ключевский 1988. С. 358-438.

подходит под известную норму, отражает на себе известный идеал»³⁷. Поскольку «древнерусский биограф», подчеркивал Ключевский, исходил из «церковно-моралистического взгляда на людей и их деяния», то его задачей, «было извлечь из описываемой деятельности практические уроки жизни, представить в биографических чертах нравственные парадигмы», «идеальную догму»³⁸. Погруженность авторов житий в сферу духовной жизни человека позволила историку сделать вывод об особом месте житий «в истории нашего умственного развития»: «древнерусская мысль не поднималась выше того исторического понимания, какое усвоила и развила литература житий»³⁹.

Одной из первых историографических реакций на магистерскую диссертацию В.О. Ключевского стало выступление на чрезвычайном заседании ОИДР, посвященном памяти историка (1911), профессора МДА С.И. Смирнова, причислявшего себя к ученикам историка⁴⁰. Впоследствии оно было опубликовано в виде статьи⁴¹.

Именно Смирнов подчеркнул, ссылаясь на свидетельства самого историка, что тот, проникнутый «романтизмом» («отголосками воспоминаний духовной школы») работал над диссертацией «с удовольствием». Это чувство, считал Смирнов, превращало его «убийственную работу в спокойное занятие». Он же одним из первых высоко оценил источниковедческий талант историка, который через «едва уловимые штрихи житийного повествования» обнаруживал в нем «малейшие крохи исторически ценного». В своей статье он особо отметил значение итоговой главы диссертации, назвав ее «превосходной»⁴².

Используя протокольные записи Е.В. Барсова, которые он опубликовал в виде приложения к своей статье, Смирнов первым дал анализ магистерского диспута Ключевского, подчеркнув общую атмосферу положительного восприятия диссертации всеми участниками события-диспута. Уже тогда, по его мнению, его книга стала «событием для русской церковно-исторической науки». В 1911 г. он имел основания сказать, что и через 40 лет после магистерского диспута она оставалась «главным трудом по русской агиологии»⁴³. Таким образом,

³⁷ Там же. С. 436.

³⁸ Там же. С. 431, 432.

³⁹ Там же. С. 435.

⁴⁰ С.И. Смирнова как ученика Ключевского идентифицировал и М.М. Богословский, высоко оценивавший его научные труды: Богословский 2009. С. 13-21.

⁴¹ См.: Смирнов 1914. С. 53-63.

⁴² Там же. С. 56, 57.

⁴³ Там же. С. 59, 61.

Смирнов в историографии судьбы магистерской диссертации Ключевского задал тему длительной памяти в научном сообществе рассматриваемого труда историка.

Но только через 60 лет после первых коммеморационных практик в адрес наследия историка тема историографической судьбы магистерской диссертации Ключевского будет продолжена в монографии М.В. Нечкиной⁴⁴. Тщательно прослеживая «шесть лет работы над житиями святых» историка, она сделала массу интереснейших наблюдений над текстом этого труда и общим историко-научным контекстом, в котором он создавался. При этом Нечкина акцентирует внимание на проблемах и драматических обстоятельствах исследовательского поиска, в которых создавалась диссертация. Несомненно, она далась Ключевскому нелегко. Историограф резюмирует, что Ключевский, исследуя специфику житий святых, отказался от первоначальных замыслов⁴⁵ и свел свои задачи «к чисто источниковедческому варианту»⁴⁶. Нечкиной эта ситуация преподносится не только как вынужденный шаг, но и как фактор, который снизил научную ценность данного труда. Работу над магистерской диссертацией она преподносит как выражение пережитого «творческого кризиса» историка, а из оценок его эмоционального состояния в ходе создания диссертации, оставленных С.И. Смирновым, она использует только одно определение, взятое из контекста его вышеприведенной цитаты. В результате по ее версии работа Ключевского над «Житиями» была «убийственной»⁴⁷.

В дальнейших своих попытках найти более объективные критерии значимости диссертации, несомненно, уважаемого и любимого ею историка, Нечкина пытается поднять его авторитет фактом превращения житий святых в диссертации Ключевского из средств «религиозной пропаганды» в объект научного светского изучения. Этот вывод дополнялся ею попыткой поставить вопрос о ее «историографическом месте» и значении в развитии общественной мысли.

Квинтэссенция ее оценок «Житий» связана, фактически, с выводом о полной научной неудаче, и даже крахе магистерского проекта Ключевского. Источниковедческие тонкости анализа житий не помещены ею в поле актуального интереса. В оценках советского историо-

⁴⁴ Нечкина 1974. С. 167-173.

⁴⁵ Имеется в виду первоначальный замысел его диссертации – изучение роли монастырей и монашества в колонизации северо-восточной Руси.

⁴⁶ Нечкина 1974. С. 148.

⁴⁷ Там же. С. 147, 151.

графа просматривается другая – идейная сторона. Она трактует выводы историка как показатель развенчания им значения и смысла житий святых, «поскольку они не соответствуют реальной действительности», что искажало истинную позицию и идею Ключевского. Нечкина же в своей трактовке полагала, что его книга «была опасна для ортодоксальной церковной науки», а потому ее можно считать «смелым и по существу антицерковным исследованием»⁴⁸. Резюмируя, она подчеркнула, что фактом создания «Житий» автор вошел в анналы истории идейной борьбы рубежа 60–70-х гг. XIX в., а книга историка «имеет черты памятника критической научной мысли». Историограф подводит читателя к итоговому суждению, полагая, что его диссертация «должна <...> занять свое место не только в истории русской науки, но и в истории русской общественной мысли»⁴⁹.

Но не в этом намеченном ею фарватере ценностно-методологического определения значимости магистерской диссертации Ключевского продолжился процесс историографической и историко-научной коммеморативной актуализации его «Житий». Через 14 лет после появления книги М.В. Нечкиной, на закате советской эпохи было предпринято первое современное научное переиздание магистерской диссертации историка⁵⁰. Инициаторы этой научной акции – А.И. Плигузов и В.Л. Янин – в основу оценки заслуг автора диссертации положили две темы – историко-агиографическую и методологическую. По сути, началось возрождение тех ценностных установок, которые были характерны для взглядов на этот труд таких современников В.О. Ключевского как Е.В. Барсов, С.И. Смирнов и др.

Небольшое по объему, но емкое по мысли Послесловие⁵¹ инициаторов переиздания «Житий» демонстрировало поворот в изучении магистерской диссертации Ключевского, в определенной мере означавший разрыв с предыдущей историографической традицией. Хотя авторы отдали должное наблюдениям Нечкиной относительно особенностей объекта изучения историка и соглашались, что он вынужден был в ходе исследовательской работы менять изначальный замысел своего труда, но попытались дать «другое прочтение диссертации»⁵².

⁴⁸ Там же. С. 159, 160, 162.

⁴⁹ Там же. С. 161.

⁵⁰ См.: Ключевский 1988.

⁵¹ Плигузов, Янин 1988. С. 1-19 [отдельная пагинация].

⁵² Там же. С. 7.

Переадресовав «скрытую полемику» книги от фигуры В.С. Иконникова, на которой настаивала Нечкина, на И.С. Некрасова, имя и труды которого ею не были упомянуты, они, по сути, отказались от ее интерпретационной версии «Житий» Ключевского. Их внимание сосредоточилось на том научном эффекте исследования историка, который проистекал от глубоко интересовавшей Ключевского проблемы «нравственной силы» народа в национальной истории (вспомним пафос его письма к Н.И. Мизеровскому!). Цитируя известный вывод историка о значении житийной литературы в истории древнерусской мысли (см. сноску 39), Плигузов и Янин сделали предположение, что по первоначальному замыслу Ключевского его труд должен был стать «книгой об истории “умственного развития”». Именно в этом отношении, полагали они, историк ценил жития как уникальный источник.

Авторы Послесловия пришли к выводу, что на основе житийного материала диссертация Ключевского «предполагала анализ церковно-монастырского и народного быта». Но они же заметили, что, издавая свою книгу, он, по сути, не довел замысел исследования до конца и не сделал тех выводов о значении своих источников, которые в определенном виде прозвучат позднее. В частности – в его критическом отзыве о магистерской диссертации С.Ф. Платонова⁵³. Обращение авторов Послесловия к хорошо известному отзыву Ключевского, написанному в 1892 г., на мой взгляд, акцентирует внимание на том, что его автор долгие годы находился в поле притяжения источниковедческих проблем, порожденных его диссертационным исследованием⁵⁴.

Определяя непростую судьбу «Житий», воспринимаемую, иногда как пример неудачи, авторы послесловия, тем не менее, высоко оценивают постановку Ключевским проблемы «соотношения средневековой агиографии с реальностью». «Критический метод Ключевского показал, какова специфика фиксации факта в средневековой литературе, где приметы реальности хотя и находятся в некоторой зависимости от земной биографии подвижника, но свой подлинный смысл обретают лишь в идеальной парадигме жития», – справедливо заметили они. Главный вывод, который ими был сделан относительно научной идентификации исследования Ключевского, прочитывается в последних строках Послесловия: «Книга Ключевского – это книга о методе; развитие научных идей, выросших из этой книги, далеко еще не исчерпано»⁵⁵.

⁵³ Там же. С. 7-8, 9.

⁵⁴ Не могу не поддержать авторов в этой мысли, ссылаясь на свою статью. См.: Алеврас 2011. С. 9-17.

⁵⁵ Плигузов, Янин, 1988. С. 13.

Весьма примечательна попытка Плигузова и Янина очертить историографическое пространство XX-го столетия, в котором ощутимо влияние идей магистерской диссертации Ключевского⁵⁶, а значит – пространство посмертной судьбы его творения и памяти об историке.

По пути переосмысления научной значимости «Житий» Ключевского последовательно шла известный источниковед и теоретик в области источниковедения и когнитивной истории – О.М. Медушевская. Её наблюдения вполне корреспондируются с выводами Плигузова и Янина, воспринявших диссертацию Ключевского как труд, созданный на основе строго выверенного метода научного источниковедческого исследования. Медушевская в соответствии со своими научными интересами углубила смысл источниковедческого вклада Ключевского в национальную историографию. На рубеже XX–XXI вв., в период методологического обновления российской историографии, она не раз подчеркивала актуальность для современной истории историографии источниковедческих пассажей его диссертации. Именно она пришла к выводу, что своей магистерской диссертацией историк закладывал основы «видового подхода» в отечественном источниковедении: «Ключевский создал особое направление источниковедческого исследования – комплексный анализ большой группы произведений, принадлежащих к одному виду»⁵⁷, – писала она в 1990-е гг., а создавая свою книгу о когнитивной истории, вновь подчеркнула, что его опыт стал основоположным для понимания социальной природы и выявления структурных моделей источников⁵⁸. Оригинальным фактом современной историографии источниковедения можно считать включение ею в словарную часть своей монографии⁵⁹ специальной дефиниции «жития святых». Прочитую данное ею определение: «Жития святых – вид источника, в котором (как показал источниковед В.О. Ключевский) конкретный информационный ресурс принципиально изменен – подчинен картине мира и законам жанра, в рамках которых создаются отдельные образцы этого вида источника»⁶⁰.

Замечу, что жития святых – единственный конкретный вид источников, а В.О. Ключевский – единственный историк, включенные в понятийную систему теории и методологии когнитивной истории О.М. Медушевской. Это не случайно: в системе ее научных взглядов Ключевский

⁵⁶ Там же. С. 10-13.

⁵⁷ Медушевская 1998. С. 69.

⁵⁸ Медушевская 2008. С. 251-252.

⁵⁹ См.: Там же. Index (Указатель понятий). С. 345-358.

⁶⁰ Там же. С. 347.

чевский выступал создателем системообразующих (базовых) основ источниковедения, а именно – представлений о социальной и функциональной природе происхождения и видовых свойствах источников.

Резюмируя вышеозначенный сюжет, сто́ит подчеркнуть, что в течение более чем 140 лет после защиты, его магистерская диссертация продолжает притягивать внимание ученых, оставаясь в поле актуального обсуждения. Каждый новый виток обращения к «Житиям» Ключевского привносит новые черты в его образ или даже закладывает принципиально новые образы историка. В многослойной ретроспективе истории историографии можно наблюдать как первоначальный имидж Ключевского, созданный еще его учениками и современниками – историк-мыслитель, историк-художник, историк-социолог – начал было в опыте восприятия его магистерской диссертации советской историографией превращаться в противоречивый образ историка общественной мысли и даже историка атеистической направленности, к тому же, историка-неудачника.

Рубеж XX–XXI вв. привнес инновационный мотив. Впервые ученые разглядели в Ключевском историка-методолога (именно это в свое время принципиально отрицала М.В. Нечкина), и источниковеда. Новый образ Ключевского дает основание говорить, что для современного поколения историков он своим анализом житий святых в магистерской диссертации выступил в роли создателя базовых основ учения о видах исторических источников, а потому, можно полагать, вписал свое имя в пантеон классиков исторического знания.

Подводя более общий итог, выскажу суждение, что эффект событийности, вызванный появлением нового исторического труда, в том числе диссертационного исследования, обнаруживается историографом при изучении всех рефлексивных слоев и уровней истории историографии. Он раскрывается в границах «длительности» жизненной стези автора исторического труда, определяется в пределах памяти и коммеморативных практик поколения его современников, наконец, присутствует в большом неоднородном пространстве в рамках темпоральной «длительности» истории историографии. Изменяющиеся ценностные подходы в восприятиях научного произведения историка (а как следствие – и его образа), порождаемые опытом и процессами трансформаций культуры и дисциплинарной истории, предстают в виде многослойной смысловой рефлексии. Ученому-историографу, пытающемуся проникнуть в глубь этой мегаструктуры, приходится, с учетом сложного переплетения самооценок, оценок и интерпретаций,

искать некий историографический вердикт в адрес того или иного научного труда, а также ответ на вопрос, стала ли для науки та или иная диссертационная история событием. Историограф в этом случае возлагает на себя роль эксклюзивного эксперта, обеспеченного контекстом историографического опыта.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алеврас Н.Н.* Проблемы источника и метода в академических отзывах В.О. Ключевского о диссертациях петербургских историков // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2011. Вып. 47. С. 9-17.
- Алеврас Н.Н.* Диссертационная культура как историографический концепт // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2014. № 4 (45).
- [*Барсов Е.В.*] Диспут Ключевского // Чтения ОИДР, 1914. Кн. 1.
- Богословский М.М. Памяти профессора С.И. Смирнова // Профессор Сергей Иванович Смирнов. М.: Melanar, 2009.
- Бедретдинова Л.Н.* Начальный период научной деятельности С.М. Соловьева: 40 - 50-е гг. XIX века. Дисс... канд. ист. наук. М., 2006. 168 с.
- Бродель Ф.* Что такое Франция? Кн. 1. Пространство и история. Введение // URL: http://www.krotov.info/libr_min/02_b/ro/del_02.htm
- Вишленкова Е., Ильина К.* Об ученых степенях и о том, как диссертация в России обрела научную и практическую значимость // Новое литературное обозрение, 2013, 4. № 122 // URL: <http://www.nlobooks.ru/node/3755>.
- Корзун В.П., Колеватов Д.М.* Бои за Ключевского в советской историографии как способ самоидентификации исторического сообщества // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX-XXI вв. / Отв. ред. О.В. Воробьева, З.А. Чеканцева. М.: ИВИ РАН, 2012.
- Ключевский В.О.* Сергей Михайлович Соловьев // В.О. Ключевский. Сочинения в восьми томах. Т. VII. М.: Изд-во соц.-эк. лит-ры, 1959.
- Ключевский В.О.* Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М.: Изд-во Наука, 1968. 526 с.
- Ключевский В.О.* Полный курс лекций: в 3-х книгах. Кн. 1. М.: Мысль, 1994. 574 с.
- Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М.: Наука, 1988. 512 с.
- Латто-Данилевский А.С.* Методология истории. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2006. 472 с.
- Медушевская О.М.* Теория, история и метод источниковедения // Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М.: РГГУ, 1998. 702 с.
- Медушевская О.М.* Теория и методология когнитивной истории. М., 2008. 358 с.
- Нечкина М.В.* Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М.: Наука, 1974. 639 с.
- Плигузов А.И., Янин В.Л.* Послесловие // Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. Репринтное издание. М.: «Наука», 1988.
- Письма русских историков (С.Ф. Платонов, П.Н. Милюков) / под ред. В.П. Корзун. Омск: Полиграфист, 2003. 306 с.
- Профессор Сергей Иванович Смирнов. М.: Melanar, 2009 (репринтное переиздание 1916 г.). 38 с.

- Ростовцев Е.А., Шишов В.О. С.Н. Валк в научно-информационном пространстве в конце XX-начале XXIV. // Клио. 2013. № 10 (82).
- Ростовцев Е.А., Потехина И.П. А.С. Лаппо-Данилевский в современном научно-информационном пространстве // Клио. 2013. № 12 (84).
- Савельева И.М. Классики в исторической науке: «свой» и «чужие» // Историческая наука сегодня: Теории, методы, перспективы / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2011.
- Савельева И.М. Классическое наследие в структуре университетской памяти // Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов / Ред. Е.А. Вишленкова, И.М. Савельева. М.: Изд. дом «Высшая школа экономики», 2013.
- Смирнов С.И. Исследование В.О. Ключевского «Древнерусские жития святых как исторический источник» // Чтения ОИДР, 1914. Кн. 1.
- Соловьев С.М. Об отношении Новгорода к Великим князьям. Историческое исследование. М., 1846. 162 с.
- Соловьев С.М. История отношений между русскими князьями Рюрикава дома // С.М. Соловьев. Сочинения. Кн. XIX доп. Работы разных лет. М.: Мысль, 1996.
- Соловьев С.М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других //С.М. Соловьев. Избранные труды. Записки. М.: Изд-во МГУ, 1983. 440 с.
- Усачев А.С. Longue durée российской историографии // Общественные науки и современность. 2002. №2.
- Цимбаев Н.И. Сергей Соловьев. М.: Мол. Гвардия, 1990. (ЖЗЛ). 366 [2] с., илл.
- Чичерин Б.Н. Воспоминания. Москва сороковых годов. М.: МГУ, 1991. 254 с.

REFERENCES

- Alevras N.N. Problemy istochnika i metoda v akademicheskikh otzyvakh V.O. Klyuchevskogo o dissertatsiyakh peterburgskikh istorikov // Vestnik Chelyabinskogo gosuniversiteta. Istoriya. 2011. Vyp. 47. S. 9-17.
- Alevras N.N. Dissertatsionnaya kultura kak istoriografichesky kontsept // Uralsky istorichesky vestnik. Yekaterinburg, 2014. № 4 (45).
- [Barsov Ye.V.] Disput Klyuchevskogo // Chteniya OIДR, 1914. Кн. 1.
- Bogoslovsky M.M. Pamyati professora S.I. Smirnova // Professor Sergey Ivanovich Smirnov. М.: MelanarYo, 2009.
- Bedretdinova L.N. Nachalny period nauchnoy deyatelnosti S.M. Solovyeva: 40-50-e gg. XIX veka. Dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk. М., 2006. 168 s.
- Brodell F. Chto takoye Frantsiya? Kn. 1. Prostranstvo i istoriya. Vvedeniye // URL: http://www.krotov.info/libr_min/02_b/ro/del_02.htm
- Viшlenkova Ye., Pilyina K. Ob uchenykh stepenyakh i o tom, kak dissertatsiya v Rossii obretala nauchnyu i prakticheskuyu znachimost // Novoye literaturnoye obozreniye, 2013, 4. № 122 // URL: <http://www.nlobooks.ru/node/3755>.
- Korzun V.P., Kolevatov D.M. Boi za Klyuchevskogo v sovetskoй istoriografii kak sposob samoidentifikatsii istoricheskogo soobshchestva // Istoricheskoye poznanie i istoriograficheskaya situatsiya na rubezhe XX-XXI vv. / Otv. red. O.V. Vorobyeva, Z.A. Chekantseva. М.: IVI RAN, 2012.
- Klyuchevsky V.O. Sergey Mikhaylovich Solovyev // V.O. Klyuchevsky. Sochineniya v vosmi tomakh. T. VII. М.: Izd-vo sots.-ek. lit-ry, 1959.
- Klyuchevsky V.O. Pisma. Dnevniki. Aforizmy i mysli ob istorii. М.: Izd-vo Nauka, 1968. 526 s.
- Klyuchevsky V.O. Polny kurs lektsy v trekh knigakh. Kn. 1. М.: Mysl, 1994. 574 s.

- Klyuchevsky V.O. Drevnerusskiye zhitiya svyatykh kak istoricheskyy istochnik. M.: Nauka, 1988. 512 s.
- Lappo-Danilevsky A.S. Metodologiya istorii. M.: Izd. dom «Territoriya budushchego», 2006. 472 s.
- Medushevskaya O.M. Teoriya, istoriya i metod istochnikovedeniya // Istochnikovedeniye: Teoriya. Istoriya. Metod. Istochniki rossyskoy istorii: Ucheb. posobiye/ I.N. Danilevsky, V.V. Kabanov, O.M. Medushevskaya, M.F. Rumyantseva. M.: RGGU, 1998. 702 s.
- Medushevskaya O.M. Teoriya i metodologiya kognitivnoy istorii. M., 2008. 358 s.
- Nechkina M.V. Vasily Osipovich Klyuchevsky. Istoriya zhizni i tvorchestva. M.: Nauka, 1974. 639 s.
- Pliguzov A.I., Yanin V.L. Poslesloviye // Klyuchevsky V.O. Drevnerusskiye zhitiya svyatykh kak istoricheskyy istochnik. Reprintnoye izdaniye. M.: «Nauka», 1988.
- Pisma russkikh istorikov (S.F. Platonov, P.N. Milyukov) / pod red. V.P. Korzun. Omsk: Poligrafist, 2003. 306 s.
- Professor Sergey Ivanovich Smirnov. M.: MelanarYo, 2009 (reprintnoye pereizdaniye 1916 g.) 38 s.
- Rostovtsev Ye.A., Shishov V.O. S.N. Valk v nauchno-informatsionnom prostranstve v kontse XX-nachale XXIV. // Klio. Zhurnal dlya uchenykh, 2013. № 10 (82).
- Rostovtsev Ye.A., Potekhina I.P. A.S. Lappo-Danilevsky v sovremennom nauchno-informatsionnom prostranstve // Klio. Zhurnal dlya uchenykh. 2013. № 12 (84).
- Savelyeva I.M. Klassiki v istoricheskoy nauke: «svoi» i «chuzhiye» // Istorigicheskaya nauka segodnya: Teorii, metody, perspektivy / Pod red. L.P. Repinoy. M., 2011.
- Savelyeva I.M. Klassicheskoye naslediyе v strukture universitetskoy pamyati // Sosloviye russkikh professorov. Sozdateli statusov i smyslov / Red. Ye.A. Vishlenkovoy, I.M. Savelyevoy. M.: Izd.dom «Vysshaya shkola ekonomiki», 2013.
- Smirnov S.I. Issledovaniye V.O. Klyuchevskogo «Drevnerusskiye zhitiya svyatykh kak istoricheskyy istochnik» // Chteniya OИDR, 1914. Kn. 1.
- Solovyev S.M. Ob otnoshenii Novgoroda k Velikim knyazyam. Istorigicheskoye issledovaniye. M., 1846. 162 s.
- Solovyev S.M. Istoriya otnosheniy mezhdu russkimi knyaziyami Ryurikova doma // S.M. Solovyev. Sochineniya. Kn. XIX dop. Raboty raznykh let. M.: Mysl, 1996.
- Solovyev S.M. Moi zapiski dlya detey moikh, a esli mozhno, i dlya drugikh // S.M. Solovyev. Izbrannyye trudy. Zapiski. M.: Izd-vo MGU, 1983. 440 s.
- Usachev A.S. longue duree rossyskoy istoriografii // Obschestvennyye nauki i sovremennost. 2002. №2.
- Tsimbayev N.I. Sergey Solovyev. M.: Mol. Gvardiya, 1990. (ZhZL). 366 [2] s., ill.
- Chicherin B.N. Vospominaniya. Moskva sorokovykh godov. M.: MGU, 1991. 254 s.

Алеврас Наталия Николаевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Челябинского государственного университета; vhist@mail.ru

Dissertation history of a scholar as an event of intellectual biography of the 19th century Russian historians

The author discusses dissertation histories of the 19th century Russian historians as scientific phenomena. Their intellectual nature is viewed as facts – events of historiography. The author asks whether a particular dissertation and its defense constitutes an event in academic life and uses methodological ideas by A.S Lappo-Danilevsky and F. Braudel.

The author uncovers the fate of magister dissertations of S.M. Soloviev and V.O. Klyuchevsky and rescreates historical and historiographical context for expert evaluation of their works by contemporaries and later generations of historians.

Keywords: dissertation, dissertation history, dispute, A.S. Lappo-Danilevsky, F. Braudel, expert evaluations, history of historiography, scientific event, scientific legacy, academic community, classical works, academic memory

Natalia Alevras, Dr.Sc. (History), Prof. of the Department of Russian History, Chelyabinsk State University; vhist@mail.ru